

А.Т. Твардовский

Баллада о товарище

Вдоль развороченных дорог
И разоренных сел
Мы шли по звездам на восток, —
Товарища я вел.

Он отставал, он кровь терял,
Он пулю нес в груди
И всю дорогу повторял:
— Ты брось меня. Иди...

Наверно, если б ранен был
И шел в степи чужой,
Я точно так бы говорил
И не кривил душой.

А если б он тащил меня,
Товарища-бойца,
Он точно так же, как и я,
Тащил бы до конца...

Мы шли кустами, шли стерней:
В канавке где-нибудь
Ловили воду пятерней,
Чтоб горло обмануть,

О пище что же говорить, —
Не главная беда.
Но как хотелось нам курить!
Курить — вот это да...

Где разжигались огнем,
Мы лист ольховый жгли,
Как в детстве, где-нибудь в ночном,
Когда коней пасли...

Быть может, кто-нибудь иной
Расскажет лучше нас,
Как горько по земле родной
Идти, в ночи таясь.

Как трудно дух бойца беречь,
Чуть что скрываясь в тень.
Чужую, вражью слышать речь
Близ русских деревень.

Как зябко спать в сырой копне
В осенний холод, в дождь,
Спиной к спине — и все ж во сне
Дрожать. Собачья дрожь.

И каждый шорох, каждый хруст
Тревожит твой привал...
Да, я запомнил каждый куст,
Что нам приют давал.

Запомнил каждое крыльцо,
Куда пришлось ступать,
Запомнил женщин всех в лицо,
Как собственную мать.

Они делили с нами хлеб —
Пшеничный ли, ржаной, —
Они нас выводили в степь
Тропинкой потайной.

Им наша боль была больна, —
Своя беда не в счет.
Их было много, но одна...
О ней и речь идет.

— Остался б, — за руку брала
Товарища она, —
Пускай бы рана зажила,
А то в ней смерть видна.

Пойдешь да сляжешь на беду
В пути перед зимой.
Остался б лучше. — Нет, пойду,
Сказал товарищ мой.

— А то побудь. У нас тут глушь,
В тени мой бабий двор.
Случись что, немцы, — муж и муж,
И весь тут разговор.

И хлеба в нынешнем году
Мне не поесть самой,
И сала хватит. — Нет, пойду, —
Вздыхнул товарищ мой.

— Ну, что ж, иди... — И стала вдруг
Искать ему белье,
И с сердцем как-то все из рук
Металось у нее.

Гремя, на стол сковороду
Подвинула с золой.
Поели мы. — А все ж пойду, —
Привстал товарищ мой.

Она взглянула на него:
— Прощайте, — говорит, —
Да не подумайте чего... —
Заплакала навзрыд.

На подоконник локотком
Так горько опершись,
Она сидела босиком
На лавке. Хоть вернись.

Переступили мы порог,
Но не забыть уж мне
Ни тех босых сиротских ног,
Ни локтя на окне.

Нет, не казалась дурней
От слез ее краса,
Лишь губы детские полней
Да искристей глаза.

Да горячее кровь лица,
Закрытого рукой.
А как легко сходить с крыльца,
Пусть скажет кто другой...

Обоих жалко было мне,
Но чем тут пособить?
— Хотела долю на войне
Молодка ухватить.

Хотела в собственной избе
Ее к рукам прибрать,
Обмыть, одеть и при себе
Держать — не потерять,

И чуют рядом по ночам, —
Такую вел я речь.
А мой товарищ? Он молчал,
Не поднимая плеч...

Бывают всякие дела, —
Ну, что ж, в конце концов
Ведь нас не женщина ждала,
Ждал фронт своих бойцов.

Мы пробирались по кустам,
Брели, ползли кой-как.
И снег нас в поле не застал,
И не заметил враг.

И рану тяжкую в груди
Осилит спутник мой.
И все, что было позади,
Занесено зимой.

И вот теперь, по всем местам
Печального пути,
В обратный путь досталось нам
С дивизией идти.

Что ж, сердце, вволю постучи, —
Настал и наш черед.
Повозки, пушки, тягачи
И танки — все вперед!

Вперед — погода хороша,
Какая б ни была!
Вперед — дождалася душа
Того, чего ждала!

Вперед дорога — не назад,
Вперед — веселый труд;
Вперед — и плечи не болят,
И сапоги не трут.

И люди, — каждый молодцом, —
Горят: скорее в бой.
Нет, ты назад пройди бойцом,
Вперед пойдет любой.

Привал — приляг. Кто рядом — всяк
Приятель и родня.
Эй ты, земляк, тащи табак!
— Ташу. Давай огня!

Свояк, земляк, дружок, браток,
И все добры, дружны.
Но с кем шагал ты на восток,
То друг иной цены...

И хоть оставила война
Следы свои на всем,
И хоть земля оголена,
Искажена огнем, —

Но все ж знакомые места,
Как будто край родной.
— А где-то здесь деревня та? —
Сказал товарищ мой.

Я промолчал, и он умолк,
Прервался разговор.
А я б и сам добавить мог,
Сказать: — А где тот двор...

Где хата наша и крыльцо
С ведерком на скамье?
И мокрое от слез лицо,
Что снилось и мне?..

Дымком несет в рядах колонн
От кухни полевой.
И вот деревня с двух сторон
Дороги боевой.

Неполный ряд домов-калек,
Покинутых с зимы.
И там на ужин и ночлег
Расположились мы.

И два бойца вокруг глядят,
Деревню узнают,
Где много дней тому назад
Нашли они приют.

Где печь для них, как для родных,
Топили в ночь тайком.
Где, уважая отдых их,
Ходили босиком.

Где ждали их потом с мольбой
И мукой день за днем...
И печь с обрушенной трубой
Теперь на месте том.

Да сорванная, в стороне,
Часть крыши. Бедный хлам.
Да черная вода на дне
Оплывших круглых ям.

Стой! Это было здесь жилье,
Людской отрадный дом.
И здесь мы видели ее,
Ту, что осталась в нем.

И проводила, от лица
Не отнимая рук,
Тебя, защитника, бойца.
Стой! Оглянись вокруг...

Пусть в сердце боль тебе, как нож,
По рукоять войдет.
Стой и гляди! И ты пойдешь
Еще быстрее вперед.

Вперед, за каждый дом родной,
За каждый добрый взгляд,
Что повстречался нам с тобой,
Когда мы шли назад.

И за кусок, и за глоток,
Что женщина дала,
И за любовь ее, браток,
Хоть без поры была.

Вперед — за час прощальный тот,
За память встречи той...
— Вперед, и только, брат, вперед,
Сказал товарищ мой...

Он плакал горестно, солдат,
О девушке своей,
Ни муж, ни брат, ни кум, ни сват
И не любовник ей.

И я тогда подумал: — Пусть,
Ведь мы свои, друзья.
Ведь потому лишь сам держусь,
Что плакать мне нельзя.

А если б я, — случись так вдруг, —
Не удержался здесь,
То удержался б он, мой друг,
На то и дружба есть...

И, постояв еще вдвоем,
Два друга, два бойца,
Мы с ним пошли. И мы идем
На Запад. До конца.

1941–1942